В153 500

Ф. ВОЛХОВСКІЙ.

Друзья среди враговъ.

(Изъ воспоминаній стараго революціонера).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
755162

Типографія „Будущность“, 2-я Роджественская, 14.

I.

Неожиданная помощь.

Давно это было. Я тогда только что начиналъ свою революціонную дѣятельность.

Я жилъ въ Москвѣ: слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ; въ Петербургѣ у меня былъ другъ—одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей, которыми можетъ гордиться русскій народъ—Германъ Лопатинъ, съ котораго покойный Глѣбъ Ивановичъ Успенскій хотѣлъ списать героя задуманнаго имъ романа „Удалый Добрый Молодецъ“. Законопаченный въ Шлиссельбургскую крѣпость, онъ просидѣлъ восемнадцать лѣтъ и сидѣлъ-бы еще дольше, если бы русскій народъ не зарычалъ, наконецъ, на своихъ мучителей и не заставилъ ихъ вздрогнуть и выпустить изъ когтей истерзанную добычу.

Въ то время, т. е. во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Петербургѣ вокругъ Германа образовался цѣлый кружокъ молодыхъ людей—честныхъ, способныхъ и у которыхъ сердце было на настоящемъ мѣстѣ. Ихъ особенно занималъ вопросъ объ изданіи и распространеніи книгъ для народа. Книги предполагались легальныя; но если бы иныя рукописи нельзя было провести черезъ цензуру, то можно было бы ихъ издать и „такъ“—за границей или подпольно. Ничего опредѣленнаго насчетъ послѣдняго пункта, насколько мнѣ извѣст-

но, не было рѣшено, но онъ самъ собой подразумѣвался, и я съ своей стороны сдѣлалъ кое-какіе шаги для его осуществленія. Кружокъ, о которомъ я говорю, не представлялъ собою чего-либо формальнаго: у него не было ни устава, ни опредѣленнаго числа членовъ; это просто было нѣсколько лицъ, связанныхъ общимъ образованіемъ, общимъ стремленіемъ къ добру и сознаніемъ своего нравственнаго долга передъ русскимъ народомъ. Но Лопатинъ, любившій всему давать клички (и дававшій ихъ всегда мѣтко и остроумно), прозвалъ все предпріятіе „Рублевымъ Обществомъ“. Такъ онъ называлъ его и въ перепискѣ со мною по дѣламъ кружка. Дѣло въ томъ, что на издательство нужны были деньги, и ихъ предполагалось собирать помѣсячно, по рублю съ человѣка. Я взялся собирать ихъ въ Москвѣ.

Единственнымъ изданіемъ „Рублеваго Общества“ была превосходная книжка Худякова „Древняя Русь“. Вслѣдъ за ея изданіемъ переписка моя съ Германомъ была перехвачена, „Древняя Русь“ изъята изъ продажи, а сами мы арестованы. Я былъ переведенъ въ Петербургъ и посаженъ при Третьемъ Отдѣленіи. Тамъ-же сидѣлъ и Германъ, но въ другомъ зданіи, черезъ дворъ.

И вотъ потянулись тюремные дни—безсодержательные, какъ чиновничья „отписка“,—безконечные, какъ осенній дождикъ,—надоѣдливые, какъ бормотанье дьячка на клиросѣ пустой церкви. Читать было нечего; рѣдкій изъ дежурныхъ жандармскихъ офицеровъ доставалъ изъ богатѣйшей библіотеки при Третьемъ Отдѣленіи что-нибудь въ родѣ „Коммерческой Энциклопедіи“, или „О комплектованіи кавалерійскихъ полковъ лошадьми“. Бездѣятельность, словно ржавчиной, разъѣдала душу. Но всего хуже была неопредѣленность положенія. Насъ держали уже шесть или семь мѣсяцевъ. Отъ времени

до времени возили для допросовъ въ „Высочайше Учрежденную Слѣдственную по Политическимъ Дѣламъ Коммиссію“, состоявшую изъ восьми генераловъ, штатскихъ и военныхъ всѣхъ родовъ оружія, подъ предсѣдательствомъ С. Ланского, затѣмъ на нѣсколько недѣль, даже мѣсяцевъ, забывали; затѣмъ снова задавали тѣ же вопросы и снова забывали. И этому не предвидѣлось конца, ибо, какъ потомъ оказалось, въ показаніяхъ единственныхъ двухъ арестантовъ, состоявшихъ подъ слѣдствіемъ, вышло разногласіе. Оба мы согласно утверждали, что цѣли наши были вполнѣ законны; но затѣмъ показанія наши расходились: одинъ увѣрялъ, что деньги собирались на голодающихъ; другой—что мы имѣли въ виду распространеніе общеполезныхъ цензурованныхъ книгъ. Каждый изъ насъ, конечно, догадывался, что другой вретъ; но въ чемъ именно состояло разногласіе,—ни Лопатину, ни мнѣ не было извѣстно. Съ другой стороны, коммиссіи было ясно, что мы что-то скрываемъ—иначе намъ незачѣмъ было бы разногласить. Сама коммиссія не имѣла противъ насъ никакого опредѣленнаго обвиненія, но, по чудовищному застѣночному чиновничьему обычаю, ожидала, чтобы мы сами себя обвинили. Это дѣлало наше положеніе безвыходнымъ: насъ могли держать безконечно—„впредь до выясненія дѣла“, на что и намекалъ намъ дѣлопроизводитель коммиссіи Ратко.

Полный мрачныхъ мыслей, лежалъ я, закинувъ руки подъ голову, на своей койкѣ, безцѣльно глядя передъ собой и безплодно переворачивая въ мозгу одинъ и тотъ-же вопросъ: какъ выйти изъ проклятаго положенія? Не знаю, долго-ли я такъ пролежалъ, ничего не видя и не слыша, хотя былъ бѣлый день и во дворѣ Третьяго Отдѣленія раздавались то шаги проходившихъ по каменнымъ

плитамъ людей, то отрывочныя ихъ слова. Наконецъ, сознаніе окружающаго воротилось ко мнѣ, и тогда я замѣтилъ, что сквозь верхнюю половину камерной двери, состоявшую въ тѣ времена изъ стекляннаго переплета, на меня внимательно смотритъ часовой. По обыкновенію, это былъ жандармъ въ своей синей формѣ. Наблюдающій взглядъ часового, вообще говоря, оскорбляетъ и раздражаетъ арестанта. Но въ лицѣ, въ позѣ глядѣвшаго на меня солдата не было ничего раздражающаго. Напротивъ. Онъ лѣниво прислонился плечомъ къ косяку двери, сдвинулъ кепи назадъ, на затылокъ, а обнаженную шашку—вмѣсто того, чтобы держать „на плечо“—уткнулъ въ полъ. Круглое лицо съ рыжеватыми усами было открыто и добродушно. Ужъ, конечно, онъ глядѣлъ на меня не „по долгу службы“ цѣпной собаки. Мнѣ показалось, что онъ глядитъ даже не изъ празднаго любопытства, а задумавшись надъ тѣмъ, какова-то у меня на душѣ.

Я всталъ съ койки и подошелъ къ двери. Солдатъ не тронулся. Я кивнулъ головой въ видѣ привѣта; онъ отвѣтилъ.

— Давно тутъ? спросилъ часовой. (Мы были совершенно одни: другія двѣ камеры этого отдѣленія были пусты; въ корридорѣ, кромѣ моего собесѣдника, никого не было).

— Седьмой мѣсяцъ, отвѣтилъ я.

Солдатъ тряхнулъ головой и сказалъ съ убѣжденіемъ:

— Надоѣстъ!

— Какъ не надоѣсть! Все вѣдь одинъ, и поговорить не съ кѣмъ. Что дома дѣлается — не знаешь. Занятія никакого.

— Не дай Богъ! Ужъ на што наше каторжное житье, а все лучше!

— Стало быть и вамъ не сладко? замѣтилъ я.

Онъ опять тряхнулъ головой.

— И не говорите. Собачья жизнь. Вы какъ думаете? Вотъ, мнѣ третьи сутки не придется спать.

— Не можетъ быть! вскричалъ я, искренно удивленный, и тутъ только замѣтилъ, какіе у жандарма красные, воспаленные глаза.

— Да какъ-же? Считайте сами. Въ понедѣльникъ изъ караула пришелъ,—скоро и обѣдъ. Послѣ обѣда надо было амуницію почистить. Почистилъ амуницію—въ шесть часовъ въ нарядъ, къ Дворянскому Собранію. Балъ въ Собраніи кончился въ четыре часа утра. Не успѣлъ заснуть—ступай коней чистить. Отчистивши коней—опять въ нарядъ; это, значитъ, уже вторникъ—похороны торжественныя были, такъ потребовали жандармовъ. Вернулись съ похоронъ—въ театръ. Въ казармы въ третьемъ часу ночи пришли, а въ пять опять на ногахъ, да и чтобы амуниція чиста была. Ну, а нынѣ—среда, стало быть—опять въ караулѣ; ужъ на часахъ-ли, нѣтъ-ли, спать не полагается. Еще гдѣ въ другомъ мѣстѣ, при хорошемъ унтеръ-офицерѣ, такъ можно вздремнуть; а тутъ никакъ невозможно, потому—дежурный офицеръ можетъ зайти, какъ онъ самъ дрожитъ вблизи Шефа. Вотъ и выходитъ—третьи сутки глазъ не смыкаю.

Можетъ быть, я въ какихъ-нибудь подробностяхъ и несовсѣмъ вѣрно передаю слова моего собесѣдника, такъ какъ пишу по памяти; но если и ошибаюсь, то въ сущихъ пустякахъ; общій же характеръ очень живо представленной жандармомъ безпрерывной и безконечной смѣны „нарядовъ“, „карауловъ“, „чистки коней“ и „амуниціи“, переданъ безъ малѣйшаго преувеличенія; онъ, дѣйствительно, не оставлялъ несчастному солдату и че-

тырехъ-пяти часовъ сна въ теченіе трехъ сутокъ. Это былъ разгаръ петербургскаго „сезона“; жандармы эскадрона должны были обязательно парадировать при всѣхъ безчисленныхъ столичныхъ увеселеніяхъ и торжественныхъ случаяхъ, до парадныхъ похоронъ включительно. Разсказъ часового неожиданно показалъ мнѣ „строевого“ (не „наблюдательнаго состава“) жандарма со стороны, съ которой я никогда о немъ не думалъ: я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что и онъ—человѣкъ. Я взглянулъ ему въ лицо съ новымъ интересомъ.

— Скажите, вы и въ томъ зданіи бываете въ карауѣ? спросилъ я, кивая въ направленіи, гдѣ сидѣлъ Лопатинъ.

— А какъ же! Я двѣ недѣли назадъ тамъ былъ. Тамъ тоже одинъ сидитъ. Красивый парень, да бравый такой. Можетъ вы его знаете?

— Пріятель. Мы по одному дѣлу.

— По одному дѣлу? За что сидите-то?

— За книги.

— За какія книги?

— Да хотѣли мы съ нимъ книги для крестьянъ хорошія печатать и деньги на то безъ дозволенія начальства собирали, вотъ насъ за то и арестовали.

— Ну—у?—протянулъ онъ недовѣрчиво.

— Честное слово, правда.

— Ахъ ты Господи! И за этакіе пустяки мучить людей!

Онъ остановился, какъ бы все еще не рѣшаясь вполнѣ повѣрить такой жестокой нелѣпости; потомъ вдругъ оживился и быстро спросилъ: „Можетъ вы хотите ему что передать, такъ это можно. Вы напишите записку, а я вотъ пойду въ караулъ и передамъ“.

Сердце у меня екнуло. Но съ другой стороны—какъ

довѣриться жандарму? Вихремъ смѣнялись во мнѣ противоположныя ощущенія и мысли; но я скоро нашелъ рѣшеніе. Послѣднее показаніе мнѣ разрѣшено было написать въ своей камерѣ, и черновая его осталась у меня. Ни слова не говоря, я сложилъ ее въ небольшой пакетикъ и показалъ часовому. Мой разсчетъ заключался въ томъ, что если бы онъ меня выдалъ, то я отвѣтилъ бы на допросѣ, что далъ ему, по его просьбѣ, бумаги на „цыгарки“, а о передачѣ Лопатину и рѣчи не было.

Устройство камеръ и тюремныя правила въ Третьемъ Отдѣленіи не были въ то время похожи на теперешнія: все было просто до послѣдней степени. Дверь въ камеру, ничѣмъ не отличавшаяся отъ обыкновенной, полустеклянной комнатной двери, запиралась изъ корридора обыкновеннымъ дверным замкомъ, и ключъ торчалъ въ замкѣ. Мой часовой прислушался, не идетъ ли кто, потомъ смѣло отперъ замокъ, взялъ бумагу и снова заперъ меня на ключъ. Затѣмъ, помѣстивъ свертокъ въ своей кепи, онъ дружески подмигнулъ мнѣ, промолвивъ: „лежитъ!“

Вся повадка моего солдатика не имѣла въ себѣ рѣшительно ничего подозрительнаго; я былъ почти совершенно увѣренъ, что онъ честно выполнитъ свое обѣщаніе, и въ душѣ моей, такъ сказать, заранѣе цвѣты расцвѣтали. У меня не было ни копейки денегъ, все было отобрано; а между тѣмъ взолнованное чувство благодарности требовало какого-нибудь выраженія. Кормили насъ тогда хорошо, обѣдъ приносился изъ сосѣдняго трактира, и въ тотъ день, о которомъ я говорю, кондитерское пирожное осталось у меня не съѣденнымъ. Я попросилъ моего пріятеля снова отомкнуть дверь и предложилъ ему изукрашенный цвѣтнымъ сахаромъ бисквитъ. Жандармъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ не-

доумѣніемъ и замѣтилъ: „Зачѣмъ! Все-же мы на волѣ, а вамъ негдѣ взять...“ Но видя мое огорченіе его отказомъ, онъ въ концѣ концовъ взялъ пирожное и тутъ же оказалъ ему вниманіе.

Солдатикъ честно сдержалъ слово. Получивъ мой черновикъ, Германъ перемѣнилъ свои показанія согласно моимъ, и дѣло было кончено. Если я очутился вновь на свободѣ, то этимъ всецѣло былъ обязанъ моему жандарму.

Я никогда болѣе не встрѣчалъ, но вспоминалъ о немъ нерѣдко, всегда—съ чувствомъ искренней благодарности,—не столько за оказанную услугу, сколько за то, что своимъ безкорыстнымъ поступкомъ онъ поддержалъ во мнѣ вѣру въ человѣческую природу.

II

Своеобразный организаторъ.

Перебирая въ памяти тѣ случаи моей, если можно такъ выразиться, „жизни съ препятствіями“, когда подъ отталкивающей шкурой наемной цѣпной собаки я неожиданно находилъ человѣческій обликъ,—я съ особымъ удовольствіемъ, могу сказать—съ любовью останавливаюсь на личности моего земляка, украинца Леонтія Павловича Швачки. (Хотя я пишу о „дѣлахъ давно минувшихъ дней“ и слышалъ, будто Леонтій Павловичъ умеръ—„нехай ему земля перомъ“—однако, для спокойствія собственной совѣсти даю ему вымышленное имя и фамилію).

Монументальная это была фигура: одиннадцати вершковъ ростомъ, хорошо сложенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно сбитая тяжелымъ молоткомъ изъ какого-нибудь

нарочито прочнаго матеріала,—съ смѣшными, сѣрыми глазами и небольшими бѣлокурыми усами. Во всѣхъ его движеніяхъ проглядывала увѣренность въ себѣ и самостоятельность. Говорилъ онъ съ сильнымъ украинскимъ акцентомъ.

Мой третій арестъ (по „процессу 193“), имѣвшій мѣсто въ Одессѣ, произошелъ при особенно неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Здоровье, разбитое сидѣніемъ по Нечаевскому дѣлу, не успѣло еще поправиться; работа въ одесской городской управѣ, гдѣ я былъ однимъ изъ дѣлопроизводителей, и тревоги революціонной дѣятельности истощали остатокъ силъ; семья, состоявшая изъ матери, жены и двухъ ребятишекъ, осталась въ безпомощномъ состояніи. Понятно, что я пріѣхалъ въ Москву въ отвратительномъ состояніи и тѣла, и духа.

Камера Басманной части, гдѣ помѣстили меня, имѣла четыре шага въ длину, а отъ ширины оставалось только достаточно мѣста на проходъ одному человѣку; остальное пространство было занято желѣзной койкой и крошечнымъ столикомъ.

Разбитый и подавленный, съ тупой головною болью, сидѣлъ я на своей кровати въ томъ состояніи, которое опредѣляется поговоркой: „весь свѣтъ не милъ“, и прислушивался къ внезапному топоту, бряцанью и говору въ корридорѣ: тамъ смѣнялся караулъ. Черезъ нѣсколько времени шумъ улегся, въ круглое дверное отверстіе моей двери („іуду“) заглянулъ чей-то глазъ, затѣмъ загремѣлъ замокъ, завизжалъ засовъ, и на порогѣ появился Швачка. Онъ окинулъ меня твердымъ, смѣлымъ взглядомъ, быстро шагнулъ впередъ, притворилъ за собой дверь, сѣлъ на койку рядомъ со мною и, снявъ каску, поставилъ ее подлѣ. Всѣ эти аллюры были необычны и противны дисциплинѣ. Но были-ли они искренни? Во-

шедшій, котораго я видѣлъ въ первый разъ въ жизни, былъ для меня не Леонтій Павловичъ Швачка, а только что произведенный изъ ефрейторовъ въ унтеръ-офицеры жандармъ. Я насторожился.

— Давно привезенъ?— спросилъ мой собесѣдникъ.

— Вчерашній день.

— Здалека?

— Изъ Одессы.

— А за што?

— Кто-жъ его знаетъ! Допроса не было.

— Есть у васъ тутъ товариши, чи знакомые по частямъ, или такъ, на волѣ?

— Можетъ и есть; не знаю.

У меня былъ въ городѣ старый товарищъ по гимназіи и пріятель, не причастный политикѣ, но который сдѣлалъ бы для меня очень многое изъ личной дружбы. Подозрѣвалъ я также, что въ разныхъ мѣстахъ заключенія сидятъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей по революціонной дѣятельности. Однако, я не счелъ возможнымъ назвать чье бы то ни было имя или даже намекнуть о существованіи въ Москвѣ близкихъ мнѣ людей.

Пришлецъ провелъ рукой по гладко остриженной головѣ, снова повернулся ко мнѣ и, очевидно, понявъ мое невеселое настроеніе, тронулъ меня лѣвой рукой за колѣнко и проговорилъ:

— Этъ!.. вдарьте лыхомъ объ землю. Што заботытця, то хуже!..

Въ эту минуту въ корридорѣ послышалось движеніе, и въ одну секунду мой унтеръ-офицеръ преобразился: на лицѣ его выразилось напряженное вниманіе, онъ торопливо надѣлъ каску и, принявъ официально-молодцоватый видъ, кинулся изъ камеры.

Это очевидное опасеніе выдать постороннему глазу

свои отступленія отъ дисциплины и разговоръ съ арестантомъ внушили мнѣ гораздо болѣе довѣрія къ посѣтителю, чѣмъ все предыдущее. Вскорѣ впечатлѣніе искренности еще болѣе усилилось по слѣдующему поводу. Я попросился въ баню. При части бани не было, и потому политическихъ арестантовъ посылали подъ конвоемъ въ сосѣднія торговыя бани. Дѣло было въ дежурство Швачки, и вотъ мы съ нимъ вдвоемъ отправились. Оказалось, однако, что всѣ номера были заняты публикой. Нѣсколько секундъ мы глядѣли другъ на друга съ видомъ людей, непріятно разочарованныхъ въ своихъ ожиданіяхъ... Затѣмъ Леонтій Павловичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой и, обратясь ко мнѣ, какъ бы за совѣтомъ, сказалъ:

— Да што тамъ... Пойдемъ увъ обчу, а?

— Пойдемъ, отвѣтилъ я, внутренно удивляясь его безпечной рѣшительности.

Мнѣ, однако, пришлось удивляться еще болѣе, когда мой стражъ, раздѣвшись, отправился вмѣстѣ со мною въ „парильную“ и тотчасъ же потерялъ меня изъ виду въ наполнявшемъ комнату густомъ, бѣломъ облакѣ. Я давно вымылся, вернулся въ „раздѣвальную“, одѣлся, а моего стража все не было. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія съ моей стороны онъ появился, красный, какъ вареный ракъ, и заявилъ, что „хорошо выпарився“.

Недѣли шли за недѣлями, а меня, замаринованнаго въ каменной банкѣ, все сильнѣе и сильнѣе разъѣдалъ отцетъ тюремнаго прозябанія. На допросъ меня не звали, вѣстей изъ дому не было, читать было нечего. Единственный способъ убить время заключался въ наблюденіяхъ—по цѣлымъ часамъ—съ одной стороны, полицейскаго двора, а съ другой,—корридора, хотя въ послѣднемъ, при его полусвѣтѣ, при малыхъ размѣрахъ

„іуды“ и толщинѣ двери, въ которой отверстіе было продѣлано, я могъ видѣть очень мало.

Однажды, когда я стоялъ на своемъ наблюдательномъ посту передъ дверью, въ „іуду“ вдругъ влетѣлъ крошечный бумажный циллиндрическій сверточекъ. Я быстро поднялъ его и, ставъ спиной къ наблюдательному отверстію, чтобы нельзя было извнѣ видѣть, что я дѣлаю, дрожащими руками содралъ внѣшнюю оболочку пакетика и развернулъ заключавшійся въ немъ листъ исписанной бумаги. При первомъ же взглядѣ на нее, сердце заколотилось во мнѣ, какъ языкъ упряжного колокольчика, когда коренникъ „ѣстъ пространство“, идя бѣшеной рысью впереди скачущихъ пристяжныхъ. Это было письмо отъ вѣрныхъ друзей. Меня извѣщали, что жена пріѣхала въ Москву, хлопочетъ о свиданіи—пока безуспѣшно—и спрашивали: намѣренъ ли я „отсиживаться“ или предпочитаю бѣжать?

У меня захватило дыханіе. Мысль стала работать съ лихорадочной поспѣшностью, и я тутъ же рѣшилъ, что при тѣхъ записяхъ, какія должны имѣться въ Третьемъ Отдѣленіи въ моей „книгѣ живота“, меня будутъ держать крѣпко и долго, хотя бы противъ меня въ данномъ случаѣ и не было уликъ, а при тогдашнемъ состояніи моего здоровья это равносильно было окончательному выматыванію послѣднихъ силъ. Стало быть, побѣгъ былъ предпочтительнѣе.

Въ качествѣ воробья, по которому уже не разъ стрѣляли, я не былъ захваченъ врасплохъ событіями: у меня была и бумага, и карандашъ для отвѣта. Но вотъ задача: какъ переслать отвѣтъ? Въ запискѣ стояло, что его нужно вручить, для дальнѣйшаго движенія, Леонтію Павловичу Швачкѣ; но Швачка уже недѣли двѣ какъ не былъ у насъ въ караулѣ, записка-же, полученная

мною, была вброшена въ мою камеру такъ ловко, что я не успѣлъ замѣтить моего почталіона.

Я изготовилъ отвѣтъ и сталъ, съ одной стороны, выжидать, съ другой—присматриваться къ караульнымъ жандармамъ, водившимъ меня „на прогулку“ на полицейскомъ дворѣ. Мѣстечко, гдѣ я „гулялъ“, было довольно укромное, и я могъ частенько вступать въ разговоры съ моимъ цербероиъ (давался каждый разъ всего одинъ часовой). Все это были очень молодые люди, иные—почти мальчики, только что оторванные отъ семьи, родного очага и милыхъ мѣстъ, и, большею частью, украинцы. Скрутившая ихъ дисциплина, московская казарма и разлука со всѣмъ дорогимъ и свѣтлымъ дѣйствовали на этихъ питомцевъ приднѣпровскихъ степей, вишневыхъ садковъ и бѣлыхъ родныхъ хатъ крайне тяжело. Всѣ были недовольны, всѣ страдали; но у пассивныхъ натуръ это страданіе выражалось жалобами и слезами, едва я заговаривалъ о домѣ и о тягостяхъ службы; одинъ же подолянинъ, хорошенькій смуглый мальчикъ съ метавшими искры черными глазами, нахмуренной бровью и упрямо сжатыми губами выдавался своею крайней озлобленностію противъ закабалившей его солдатчины. Я безъ труда вызвалъ его сперва на откровенность, потомъ на полную готовность помочь мнѣ и увѣренъ, что мнѣ удалось бы склонить его, въ случаѣ надобности, на побѣгъ вмѣстѣ со мною. Но пока отъ него требовалась иная услуга. Я сталъ разспрашивать его, знаетъ ли онъ Швачку, и оказалось, что знаетъ и отзывается о немъ хорошо. Самъ Леонтій Павловичъ не являлся, его подручные тоже ничѣмъ не выдавали своего присутствія; откладывать отвѣтъ долѣе было неудобно... Я рѣшился. Вручивъ свой отвѣтъ подолянину съ присоединеніемъ „благодарности“, едва ли превышав-

шей полтинникъ, я просилъ его отдать письмо Швачкѣ.

Съ недѣлю я волновался, не зная объ участи моего посланія; посланецъ мой появлялся на дежурствѣ снова и снова: онъ увѣрялъ и божился, что отдалъ записку по принадлежности, но отвѣта для передачи мнѣ не получалъ. Наконецъ, однажды, когда я стоялъ передъ своею дверью, жадно наблюдая за смѣной караула, передъ моимъ „іудой“ появилась солдатская физіономія необыкновенно неподвижнаго и глупаго вида. Убѣдившись, что я гляжу на нее, физіономія повернулась ко мнѣ затылкомъ, такъ что закрыла имъ изъ корридора дверное отверстіе, затѣмъ у затылка появилась рука съ толстыми пальцами и, притворяясь, будто скребетъ этотъ затылокъ, всунула ко мнѣ желанный бумажный свертокъ. То былъ отвѣтъ на мое письмо!

Когда въ тотъ день меня выпустили гулять, моимъ конвойнымъ оказался тотъ же солдатъ тупоумнаго и неуклюжаго вида. Едва мы очутились одни на дворѣ, какъ въ его глазахъ засвѣтился огонекъ, показавшій, что тупоуміе было лишь надѣтой имъ на себя маской. Не оглядываясь и сохраняя полное хладнокровіе, онъ проговорилъ:

— Леонтій Павловичъ велѣли сказать, что если будете посылать имъ записки не черезъ ихнихъ людей, такъ они совсѣмъ перестанутъ передавать.

Я задалъ моему почталіону урывками нѣсколько вопросовъ и изъ его отвѣтовъ, какъ и изъ сообщеній, полученныхъ мною позже, уже въ Сибири, отъ товарищей, бывшихъ одновременно со мною „во узахъ“ въ Москвѣ, выяснилось, что Швачка организовалъ для нашего брата почту по всей Москвѣ. У него были „свои люди“ во всѣхъ частяхъ; они проникали въ бутырки и иныя тюрьмы; онъ имѣлъ сношенія „съ волей“. При ежеднев-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ной смѣнѣ карауловъ, корреспонденція шла быстро и аккуратно: она стекалась изъ разныхъ мѣстъ заключенія и „съ воли“ къ Швачкѣ, а онъ затѣмъ распредѣлялъ ее по назначенію и довѣрялъ своимъ подручнымъ, смотря по тому, въ какой караулъ кто назначался. Надо думать, онъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ выбиралъ своихъ помощниковъ, такъ какъ, несмотря на сложность и опасность всей операціи, ни разу не провалился и ушелъ благополучно въ отставку.

Чѣмъ руководился онъ, организуя эти сношенія, спасшія такъ много людей, ему самому грозившія, въ случаѣ открытія, всѣми ужасами арестантскихъ ротъ или дисциплинарнаго баталіона? Конечно, онъ получалъ „благодарности“. Но объяснить его дѣятельность денежными мотивами нельзя. Фраза, сказанная имъ при нашемъ первомъ знакомствѣ для моего ободренія, хорошо рисуетъ этого человѣка, а то, что я слышалъ о немъ впослѣдствіи отъ товарищей, знавшихъ его ближе меня, удостовѣряетъ, что онъ рисковалъ и трудился прежде всего ради того, чтобы помочь „хорошимъ людямъ, неправильно обиженнымъ начальствомъ“.

Если онъ живъ, да воздастъ ему судьба сторицею за все сдѣланное имъ добро; если умеръ,—да сохранится его имя въ благодарной памяти всѣхъ людей, достойныхъ этого имени.

III.

Поручикъ Хрюковъ.

Во времена дознанія и слѣдствія по такъ называемому „нечаевскому“ дѣлу (т. е. не по личному дѣлу Нечаева, а по процессу его организаціи) система содержанія политическихъ арестованныхъ въ Петропавлов-

ской крѣпости была совершенно отлична отъ теперешней. Только Алексѣевскій равелинъ (куда подслѣдственныхъ не сажали) имѣлъ особаго смотрителя, особый штатъ тюремщиковъ и стражи. Трубецкой же бастіонъ и Екатерининская куртина состояли въ завѣдываніи крѣпостного плацъ-майора и плацъ-адъютантовъ. Ключники и служителя наряжались изъ крѣпостной команды, и личный составъ ихъ мѣнялся.

Плацъ-адъютантовъ было трое (изъ нихъ одинъ—жандармъ); они дежурили поочередно; дежурный исполнялъ всѣ обязанности смотрителя политической тюрьмы: принималъ и сдавалъ арестантовъ, водилъ ихъ на свиданія, приходилъ къ нимъ для объясненій, наблюдалъ за „порядкомъ“ и т. д.

Поручикъ Хрюковъ (фамилія вымышлена) былъ однимъ изъ этихъ трехъ офицеровъ. Отличительной его чертой была важность, даже торжественность: хотя чинъ на немъ былъ непропорціонально малъ его годамъ (это былъ мужчина за сорокъ), но значительности хватило бы на двухъ полныхъ генераловъ. Онъ не столько говорилъ, сколько глаголалъ, нерѣдко медленно помавая главою; часто становился въ позитуру колосса родосскаго, заложивъ руки въ карманы брюкъ; или выпячивалъ грудь и поднималъ плечи, принимая видъ напыжившагося индѣйскаго пѣтуха. Темные съ просѣдью усы, удлиненные характерными подусниками, годились бы хотя бы и запорожскому „лыцарю“ или польскому магнату воинственныхъ временъ; кстати-же онъ и говорилъ не то съ украинскимъ, не то съ польскимъ акцентомъ.

Первыя мои отношенія съ поручикомъ Хрюковымъ были непріязненнаго характера. (Я говорю о времени второго моего сидѣнія въ крѣпости; во время перваго

я Хрюкова совсѣмъ не помню). Онъ выказывалъ по отношенію ко мнѣ непонятное для меня тогда высокомѣріе и офиціальную суровость; однажды, присутствуя на моемъ свиданьи съ матерью, онъ своими замѣчаніями на тему о томъ, что „въ крѣпости не шутки шутятъ“, растревожилъ ее до слезъ. Понятно, что я платилъ поручику искренной ненавистью и презрѣніемъ.

Но вотъ случилось происшествіе, которое радикально измѣнило наши отношенія.

Въ одно непрекрасное утро въ бывшій дотолѣ пустымъ номеръ, помѣщавшійся рядомъ съ моимъ, былъ посаженъ офицеръ Иванъ Лихутинъ. *) Едва я научилъ его перестукиваться, какъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбой „порадѣть“ ему, выражаясь слогомъ безсмертнаго Ивана Савича Поджабрина. Ему крайне необходимо было, говорилъ онъ, послать въ городъ записку; но самъ онъ, Лихутинъ, чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ разговаривать съ солдатами, а потому просилъ *меня* устроить такъ, чтобы часовой пронесъ отъ него записку. Какъ ни непріятно подѣйствовала на меня мягкотѣлая безпомощность молодого воина, сквозившая въ этой странной просьбѣ,—я не счелъ себя въ правѣ отказать въ ней, такъ какъ, по увѣренію моего сосѣда, отъ этого зависѣло спасеніе людей, которые иначе попадутъ въ лапы жандармовъ.

*) Зять Влад. Ковалевскаго, въ то время студента Технологическаго Института, тоже привлекавшагося по Нечаевскому дѣлу, а впослѣдствіи „дѣльца“ и товарища министра финансовъ. Въ появившихся одно время въ газетахъ разоблаченіяхъ его финансовыхъ кунштюковъ по части „перемѣщенія цѣнностей“ имя Лихутина играло видную роль. Это и есть тотъ самый Лихутинъ, который былъ во времена оны заподозрѣнъ недальновиднымъ начальствомъ въ способности пострадать за политическіе или соціальные идеалы.

Недолгаго разговора „по душѣ“ съ молоденькимъ армейцемъ, съ любопытствомъ разглядывавшимъ меня сквозь „іуду“, было достаточно, чтобы убѣдить его сперва—передать отъ меня сосѣду папиросу, а затѣмъ—взяться пронести отъ послѣдняго записку въ городъ *).

Записку Лихутинъ направилъ къ своей квартирной хозяйкѣ. Смѣнившись на слѣдующій день съ караула, солдатикъ честно исполнилъ порученіе, получилъ отъ хозяйки свою жалкую мзду въ размѣрѣ двухъ двугривенныхъ и спокойно возвратился въ казармы; почтенная-же дама, на которую Лихутинъ возлагалъ свои надежды, немедленно по полученіи записки снесла ее въ Третье Отдѣленіе, къ которому, очевидно, имѣла „негласное касательство“.

Въ крѣпости, между тѣмъ, все шло своимъ заведеннымъ порядкомъ, какъ вдругъ началась суматоха. Въ корридорѣ слышались торопливые шаги неурочныхъ посѣтителей, вѣроятно, инспектирующаго начальства; занимавшіе караулъ армейцы были внезапно—при томъ въ необычное время—замѣнены гвардейцами (которые, сказать мимоходомъ, начали, въ свою очередь, тотчасъ же проносить записки); я слышалъ, какъ отперли камеру Лихутина, самого его увели и онъ долго отсутствовалъ.

---

*) Папиросы и записки передавались изъ камеры въ корридоръ и обратно такимъ образомъ: для естественныхъ надобностей служилъ въ то время ящикъ съ ведромъ внутри, который помѣщался въ прорѣзанномъ въ стѣнѣ четырехугольномъ отверстіи и двигался, въ извѣстныхъ предѣлахъ, на рельсахъ, такъ что его можно было, когда угодно, вдвинуть въ камеру и обратно выдвинуть въ корридоръ, не вынимая, конечно, изъ стѣны. Ящикъ закрывался сверху крышкой, имѣвшей посрединѣ углубленіе; въ это-то углубленіе клались тѣ небольшія вещи, которыя надо было передать, и затѣмъ ящикъ двигался взадъ или впередъ, смотря по надобности.

Не много нужно было догадливости, чтобы понять смыслъ всѣхъ этихъ мелочей, имѣющихъ для заключеннаго краснорѣчивое значеніе. Я былъ увѣренъ, что наша продѣлка открыта, Лихутинъ взятъ на допросъ и сталъ ждать того-же и для себя.

Ждать пришлось недолго. Загремѣлъ замокъ, распахнулась дверь, служитель положилъ на койку мое личное платье (обыкновенно хранившееся въ цейхгаузѣ) и проговорилъ: „пожалуйте одѣться“; въ то-же время на порогѣ появился поручикъ Хрюковъ въ шинели въ накидку, съ видомъ полководца, готоваго двинуть полки мановеніемъ десницы.

Сомнѣнія не было: меня вели на допросъ. Какъ быть? Выработанная новыми временами тактика—отказываться отъ дачи какихъ-бы то ни было показаній—тогда еще не существовала... Итакъ—что показывать, чтобы не повредить солдату ни явно лживымъ огульнымъ отрицаніемъ, ни лишнимъ словомъ? Что извѣстно начальству?.. Такія и подобныя мысли проносились вихремъ въ моей головѣ, пока я шелъ рядомъ съ поручикомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ за нами дежурный унтеръ-офицеръ тюремной команды.

Не задолго до этого мать сообщила мнѣ о поручикѣ по секрету, на свиданіи, совершенно неожиданныя вещи. Хрюковъ, говорила она, поддерживаетъ сношенія между нашими друзьями, тоже сидѣвшими въ то время въ крѣпости, а также—между ними и ихъ близкими въ городѣ. Это было до такой степени несообразно со всѣми нашими непосредственными впечатлѣніями, что мать ни за что бы не повѣрила полученнымъ свѣдѣніямъ, если бы не безусловно вѣрный ихъ источникъ. Я также былъ въ полномъ недоумѣніи и терялся въ противорѣчивыхъ догадкахъ. Но теперь ужъ некогда было

колебаться; надо было на чемъ-нибудь остановиться и такъ или иначе дѣйствовать. Если, дѣйствительно, этотъ самый поручикъ Хрюковъ, съ которымъ я въ ту минуту шелъ рядомъ, былъ полезенъ другимъ арестованнымъ—каковы бы ни были его побужденія—то, можетъ быть, и мнѣ можно было выудить изъ него какія-нибудь свѣдѣнія. Я рѣшился схватить быка за рога.

— Скажите пожалуйста, поручикъ, что такое случилось въ крѣпости?—спросилъ я въ полголоса.

Хрюковъ бросилъ на меня быстрый, косой взглядъ сдержаннаго удивленія и, поднявъ плечи выше обыкновеннаго, отвѣтилъ, растягивая слова, притворно-равнодушнымъ тономъ человѣка, который не знаетъ, какъ ему держаться:

— Да... солдатъ тутъ попался... записку, что-ли, въ городъ пронесъ...

— А вы не знаете, что показалъ солдатъ?

— Нне...знаю. Когда бы я зналъ раньше, что́ нужно... то, конечно... можно бы узнать... — отвѣтилъ онъ, еще болѣе запинаясь.

Мы уже подходили къ ожидавшей меня каретѣ, и дальнѣйшій разговоръ былъ невозможенъ. Хрюковъ сдалъ меня съ рукъ на руки молоденькому жандармскому офицеру, имѣвшему видъ синяго купидона, и мы отправились.

Я не ошибся: допросъ былъ по поводу Лихутинской записки.

Когда купидонъ снова отвезъ меня въ крѣпость, сдалъ обратно Хрюкову, откланялся, и его карета загремѣла по мостовой, поручикъ не сразу повелъ меня въ казематъ, а, введя въ пріемную комнату небольшого отдѣльнаго зданія, гдѣ въ то время давались свиданія иногда производились допросы, предъявлялись обвиня-

емымъ документы и т. п., указалъ величественнымъ жестомъ на диванъ, приглашая сѣсть.

— Ну что, какъ? спросилъ онъ тономъ древнеримскаго сенатора, не знающаго еще, придется ли ему послать стоящаго передъ нимъ скромнаго плебея на казнь или выказать ему благоволеніе.

— Спрашивали о запискѣ.

— Да. Ну, что-же вы объяснили?

— Ничего не объяснилъ: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!“

— Ну вотъ, молодецъ!—воскликнулъ поручикъ съ внезапнымъ увлеченіемъ...—Самое лучшее! А то пойдутъ расписывать и то, и сё... и запутаются такъ, что и себя погубятъ и другимъ навредятъ! Ежели же я знать не знаю и вѣдать не вѣдаю—что ты съ меня возьмешь?!

— Ну, а что-же солдатъ? снова спросилъ я.

— Солдатъ... Бѣликовъ его зовутъ... Солдатъ заперся. Видите-ли, онъ, отнесши записку, возвратился прямо въ казармы и успѣлъ раздѣться. Такъ что, когда пришли съ обыскомъ въ казарму, вся смѣна, которая въ карауле была, оказалась на лицо и по обыску ничего не найдено. Онъ, значитъ, и заперся. Ну, всю смѣну часовыхъ, троихъ предъявили лихутинской хозяйкѣ, а она, шельма, слава Создателю, возьми, да ошибись...

— Какъ такъ?

— А такъ, не признала... Не знала, котораго указать... Долго-ли она его видала? Секунду—на дому-то! При томъ-же она видѣла его въ кепи, а на очной ставкѣ ей показали всѣхъ троихъ безъ кепи; она и затруднилась указать. Ну, Бѣликовъ тогда осмѣлѣлъ совсѣмъ.

— Стало быть изъ часовыхъ никто не пострадаетъ? спросилъ я радостно.

Глаза поручика загорѣлись и длинные усы задвигались, какъ у взволнованнаго таракана.

— Да вѣдь этотъ подлецъ, Лихутинъ, указалъ его!— воскликнулъ онъ, взмахнувъ сжатымъ кулакомъ.

— Не можетъ быть! вскричалъ я, возмущенный и огорченный чуть не до слезъ.

— Да какъ-же! Погубилъ человѣка! Теперь его въ арестантскія роты и забьютъ тамъ!—говорилъ мой собесѣдникъ, шагая по комнатѣ въ крайнемъ возбужденіи. Затѣмъ, вдругъ остановившись передо мною, онъ наклонился и заговорилъ громкимъ, взволнованнымъ шопотомъ.—Да еще слава Богу, что только одного!.. Счастье что я былъ тутъ! — Вѣдь я пригоршни... *пры-горш-ни запысокъ*, набралъ во всѣхъ углахъ корридора! Это они, сукк..ы сы.ы, наберутъ запысокъ...

— Кто такіе?

— Да часовые!—запысокъ набрали, да какъ началась суматоха, такъ они, чтобъ не нашли при нихъ, и положили по угламъ! Конечно, я ихъ всѣхъ—въ *пэчъ!* Но ты представъ себѣ—продолжалъ онъ, переходя, въ припадкѣ конфиденціальности, въ амикошонскій тонъ,— ты представъ себѣ, что бы тутъ было, когда бъ всѣ эти запыскы попались!?

Дѣйствительно, перспектива была не изъ пріятныхъ, и я невольно перевелъ духъ.

Нѣкоторое время мы молчали. Затѣмъ Хрюковъ сѣлъ рядомъ со мною и, возвратившись къ своей обычной торжественности, сказалъ съ большой выразительностью:

— А вѣдь я думалъ, что ты подлецъ!

— Покорно благодарю. Представьте, я объ васъ думалъ то-же самое.

— Ну, такъ понятное дѣло!—отвѣтилъ онъ тономъ разсудительнаго человѣка;—на мнѣ мундиръ!

Съ этихъ поръ между мною и поручикомъ Хрюковымъ установились новыя отношенія. Иногда онъ заходилъ въ мою камеру съ обычной величественностію и, оставивъ тюремнаго унтеръ-офицера и часового на значительномъ разстояніи, подходилъ ко мнѣ вплоть и спрашивалъ въ полголоса: „Можетъ надо что передать?“ Иногда я самъ, разсчитавъ, когда онъ будетъ дежурить требовалъ къ себѣ дежурнаго плацъ-адъютанта и вручалъ ему записку. При всякомъ удобномъ случаѣ Хрюковъ заявлялъ, что онъ—деликатенъ, передаваемыхъ записокъ не читаетъ. Но скоро онъ самъ себя выдалъ слѣдующимъ образомъ. За неимѣніемъ чернилъ, я какъ-то написалъ письмо клюквеннымъ сокомъ. Посланіе было очень основательно заклеено. Не прошло и получаса послѣ того, какъ я вручилъ его поручику, какъ замокъ моего номера снова загремѣлъ и Хрюковъ подошелъ ко мнѣ болѣе торопливой походкой, чѣмъ обыкновенно.

— Послушайте, сказалъ онъ съ выраженіемъ человѣка, невыносящаго вида чужихъ физическихъ страданій,—неужели это вы кровью писали? Зачѣмъ-же? Сказали бы мнѣ, то я далъ бы карандашъ.

Я успокоилъ моего доброжелателя, но спросилъ его со смѣхомъ, какъ онъ узналъ, чѣмъ написано письмо, если онъ писемъ не читаетъ? Поручикъ сдѣлалъ неопредѣленный торжественный жестъ, но никакого болѣе вразумительнаго объясненія не далъ.

Впослѣдствіи я узналъ о Хрюковѣ больше и смѣло могу сказать, что онъ не одного человѣка спасъ отъ ссылки, каторги и даже смерти, какъ слѣдствія долгаго тюремнаго истощенія. Этотъ человѣкъ не только переносилъ записки отъ одного заключеннаго къ другому, не только имѣлъ подручную особу, черезъ которую отправлялъ тайныя письма арестованныхъ въ городъ, но

сводилъ двухъ и трехъ заключенныхъ вмѣстѣ, чтобы они могли хорошенько сговориться между собой. Рискъ его при этомъ былъ громадный. Однажды, когда онъ такимъ образомъ устроилъ тремъ своимъ кліентамъ свиданіе въ одной изъ комнатъ того особаго зданія, о которомъ я упомянулъ ранѣе, въ сосѣднюю горницу неожиданно вошелъ плацъ-майоръ. Поручичья душа ушла въ пятки, но онъ не потерялся. Онъ завелъ со своимъ непосредственнымъ начальникомъ разговоръ, стараясь лишь объ одномъ—не пустить его далѣе первой комнаты. Послѣ всевозможныхъ вольтовъ это ему удалось и плацъ-майоръ ушелъ, ничего не подозрѣвая. Тогда Хрюковъ, блѣдный, какъ стѣна, вошелъ къ своимъ кліентамъ и, едва переводя духъ, торжественно поднялъ руку къ потолку. „Ну“, сказалъ онъ, „насъ видитъ Богъ! Если еще я для васъ не дѣлаю, то не знаю!..“

Онъ бралъ деньги, но не со всѣхъ и не дѣлалъ подачки непремѣннымъ условіемъ помощи. Ни я, ни мать никогда не дали ему ни копейки. Онъ несомнѣнно увлекался ролью спасителя, на мзду-же глядѣлъ такъ, что должно-де быть воздаяніе за труды, тревоги и рискъ. Вотъ въ этомъ отношеніи характерный эпизодъ.

Во время того-же сидѣнія моего въ крѣпости, я, разговорившись съ однимъ изъ солдатъ-тюремщиковъ, мывшаго подъ Пасху полы въ казематахъ Алексѣевскаго равелина, узналъ отъ него, что въ этомъ каменномъ мѣшкѣ сидѣлъ въ то время одинъ только арестантъ. Описаніе его наружности сильно подходило къ примѣтамъ Германа Лопатина; а я зналъ, что правительство боится блестящихъ способностей нашего „добра молодца“ и крайне раздражено его политической неугомонностью и тѣмъ юморомъ, съ которымъ онъ оставлялъ всякое начальство, вплоть до самаго высшаго, въ отчаян-

ныхъ дуракахъ. Я зналъ, что Горемыкинъ, тогдашній экспедиторъ III-ей экспедиціи III-го отдѣленія, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей Германа, высказалъ угрозу, что-де Лопатинъ доскачется до того, что его запрутъ безъ суда въ равелинъ,—тогда, молъ, онъ, не то запоетъ! О Германѣ у меня и другихъ его друзей не было въ то время извѣстій; потому естественно, что я сблизилъ сообщенія моего солдата съ горемыкинской угрозой и, выйдя на волю, сообщилъ обо всемъ одному изъ товарищей, все еще поддерживавшему сношенія съ Хрюковымъ.

Товарищъ передалъ поручику наши опасенія, просилъ его навести надлежащія справки и, помня, что „сухая ложка ротъ деретъ“, зажалъ въ офицерскую руку четвертную. Но Хрюковъ ея не принялъ.

— Не за что:—сказалъ онъ, возвращая депозитку.— Когда узнаю, тогда дашь.

Всѣ его усилія не привели ни къ чему; можетъ быть именно потому, что самыя опасенія наши въ отношеніи Лопатина оказались, къ счастью, въ тотъ разъ напрасными. Поручикъ ничего не узналъ и ничего не взялъ.

Гдѣ-то онъ теперь? Чай, умеръ ужъ давно. Да, пожалуй, и самый типъ его умеръ. Странная смѣсь природнаго добродушія, подлаго офиціальнаго званія, стремленія наскрести „дѣтишкамъ на молочишко“ и искренняго желанія помочь живому человѣку—нынѣ не въ модѣ среди гг. церберовъ. Нынѣ, это „люди убѣжденные“, носящіе съ гордостью на лбу надписи: „безъ стыда преданъ!“...

А впрочемъ, и то сказать: хотя по нынѣшнимъ временамъ найти въ церберѣ признаки простодушной человѣчности и человѣческой совѣстливости было-бы чудомъ, но, съ другой стороны, не переживаемъ ли мы именно время чудесъ и не дѣйствуетъ ли это время и на самихъ церберовъ?..

IV.

„Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно“.

Такъ думали наши отцы и дѣти; такъ думаемъ и мы. Но начальство, умудренное государственной практикой и соотвѣтственными окладами, думаетъ иначе. Оно увѣрено, что если природа выказываетъ иногда стремленія, противныя видамъ правительства, то лишь по недостатку надлежащихъ циркуляровъ и мѣропріятій.

И вотъ оно бдитъ; оно старается.

Когда армейскій солдатъ Бѣликовъ проноситъ отъ арестанта записку, оно упрятываетъ его въ „арестантское отдѣленіе“, а въ караулѣ замѣняетъ армейцевъ гвардейцами.

Когда и гвардейцы дѣлаютъ то же самое,—оно осматриваетъ казематы, задѣлываетъ въ нихъ щелки и вмѣсто служителей, назначенныхъ на извѣстное время изъ крѣпостныхъ солдатъ, набираетъ особый штатъ тюремщиковъ изъ отказавшихся отъ отставки фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ и платитъ имъ 15 р. въ мѣсяцъ жалованья вмѣсто 22 копѣекъ, получаемыхъ крѣпостными рядовыми.

И т. д. и т. д.

Мудро пресѣкая, оно не менѣе мудро старается улучшить самую природу солдата.

Когда „молодцы-Фанагорійцы“, или „славные Семеменовцы“ разстрѣливаютъ плоть отъ плоти и кость отъ костей своихъ,—оно шлетъ имъ свое отеческое „спасибо“, прославляетъ ихъ неманчжурскія побѣды въ приказахъ по войскамъ и „жалуетъ“ по пятидесяти копѣекъ на брата, наглядно показывая такимъ образомъ, что одинъ и тотъ-же полтинникъ можно получить за помощь пре-

слѣдуемому, или за душегубство,—но послѣднее для христолюбиваго воинства сколь-же предпочтительнѣе!

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Достигаетъ ли, однако, вся сія мудрость цѣли?

Достигаетъ. Но, увы! — не вѣчно и не въ полномъ размѣрѣ.

При всемъ стараніи, при всемъ мучительствѣ, при всѣхъ грѣхахъ „противъ Духа Святаго“—убить во *всѣхъ* русскихъ воинахъ душу, убить ее *совсѣмъ*, безъ остатка—оказывается невозможнымъ. Мало того: сама начальственная мудрость носитъ въ себѣ зародыши огорченія. Устраиваемая этою мудростію жизнь нашего солдата—жизнь, въ которой отсутствуетъ самое главное ея условіе—признаніе въ немъ живой человѣческой личности—всегда создавала въ немъ и всегда будетъ создавать, пока длится звѣриная государственная система, сердечное тяготѣніе къ людямъ, которыхъ его заставляютъ стеречь. А если еще онъ убѣждается, что эти люди хорошіе,—люди желающіе добра другимъ и за это страждущіе, то и самъ нерѣдко готовъ итти на опасности ради нихъ.

Я привелъ только три случая, и они далеко не исчерпываютъ даже моего личнаго опыта. Сколько ихъ было — простыхъ русскихъ людей, сохранившихъ подъ навязанной имъ подлой ливреей наемной цѣпной собаки способность относиться къ человѣку почеловѣчески!.. Одесскій жандармъ, принесшій намъ письмо отъ арестованнаго товарища и отказавшійся отдать его кому бы то ни было, кромѣ какъ въ собственныя руки моей жены; безмолвный тюремщикъ Пугачевской башни въ Бутыркахъ, возстановившій мои сношенія съ друзьями послѣ моей неудачной попытки на побѣгъ; служитель Петропавловки, передававшій мнѣ книги и сласти отъ

товарищей по заключенію на единственномъ условіи, „чтобы все было тихо, смирно, умственно и хорошо...“ И не вспомнишь всѣхъ!..

Офицеры? Да, офицеры болѣе воспріимчивы къ начальственной мудрости и христіанскимъ обязанностямъ, налагаемымъ соотвѣтствующимъ окладомъ (оклады ихъ, хотя и недостаточные при нынѣшней дороговизнѣ, куда выше солдатскихъ!). Но и въ нихъ, во всѣхъ, убить душу живу оказывается невозможнымъ. Маньковскій разсказываетъ объ офицерахъ, доставлявшихъ важныя свѣдѣнія заключеннымъ въ Варшавской цитадели и готовыхъ помочь побѣгу осужденныхъ на смерть Бардовскаго, Куницкаго и др. Имена Обручева, подполковника Крассовскаго, полковника Ашенбренера, лейтенанта Шмидта не забудутся никогда, а если хорошенько просмотрѣть нынѣшнія газеты, то окажется, что и въ наши дни у этихъ спасителей русскаго имени среди офицерства есть наслѣдники по духу и товарищи по человѣчеству.

Да, „гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно“. Вѣрность этой поговорки съ особенной яркостью сказалась въ тюремной исторіи Трубецкого бастіона. Ужъ его ли благодѣтельное начальство не старалось обезопасить противъ несогласныхъ съ видами правительства наклонностей человѣческой природы?! Вмѣсто прежней, болѣе или менѣе патріархальной тюрьмы выстроена была новая—послѣднее слово науки мучительства. Ея окна не болѣе, какъ это было въ старой, въ садикъ, на Неву или на крѣпостной дворъ: они упирались въ высокую стѣну, застѣнокъ отъ міра и воровавшую у заключенныхъ свѣтъ божій. Выдвижные ящики, о которыхъ я говорилъ раньше, уничтожены, и ни одно контрабандное отверстіе болѣе не соединяло казематъ съ корридоромъ.

Стѣны были изнутри обтянуты войлокомъ, чтобы предупредить перестукиваніе. Но главное—былъ набранъ особый штатъ надежныхъ унтеръ-офицеровъ и отданъ въ полное и безотвѣтственное распоряженіе особаго, нарочитаго барбоса — полковника Богородскаго. Этотъ исполнительный палачъ, поддерживавшій въ себѣ надлежащую свирѣпость безконечными водочными возліяніями, успѣлъ терроризировать свою команду до крайнихъ возможныхъ предѣловъ ея воспріимчивости. Я былъ разъ свидѣтелемъ, какъ унтеръ-офицеръ подалъ, по ошибкѣ, не надлежащую часть арестантскаго бѣлья... Глаза Богородскаго налились кровью, онъ сжалъ кулаки и, сдѣлавъ очень выразительный шагъ къ унтеру, зашипѣлъ... Словъ не было, былъ одинъ только шипъ... Унтеръ, стоявшій на вытяжку, поблѣднѣлъ, какъ смерть и потерялъ всякій человѣческій обликъ...

И что-же? Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ этой самой команды оказывалъ мнѣ тайныя услуги; но, что несравненно краснорѣчивѣе—собственный сынъ Богородскаго, тоже военный человѣкъ (если не ошибаюсь, вольноопредѣляющійся), пытался помочь заключеннымъ и пострадалъ за это!..

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. Неожиданная помощь 3

II. Своеобразный организаторъ 10

III. Поручикъ Хрюковъ 17

IV. „Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно“ 28